

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Васильев В. В.

Самарский филиал МГПУ,

Самара, Россия,

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Аннотация. В статье анализируется влияние политической истории на специфические черты и особенности феномена социальной неопределенности. В статье отмечается, что одной из ключевых характеристик современной политической истории становятся меняющиеся трактовки форм, характера и выявленных закономерностей взаимоотношений политических субъектов, которые оказывают непосредственное влияние на неопределенное состояние общества. Автор подчеркивает, что возрастающий нелинейный характер политических изменений в условиях сложной современности неоднозначно детерминирует общественно-политическое развитие. Констатируется, что динамика трактовок политической истории чаще всего происходит в переломные трансформационные периоды развития общества. В контексте анализа изменений доминирующих политических концепций приводятся варианты трансформирования поля политической истории, позволяющие сделать вывод о том, что они детерминируют уровень неопределенности в обществе. Рассматриваются сферы политического, социально-экономического и культурного управления, социальной-психологии, семантики, аксиологии подверженные влиянию изменений политической истории. Отмечается объективный характер развития историко-политической проблематики. Делается вывод о том, что политическая история в качестве фактора стабильности, влияющего на политическую, социально-экономическую, культурную сферы общества не может обеспечить снижение социальной неопределенности.

Ключевые слова: социальная неопределенность, политическая история, трансформация, нелинейный характер, политическое управление, социальная психология, социальная структура

Для цитирования: Васильев В. В. Политическая история и феномен социальной неопределенности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 17–27. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

**POLITICAL HISTORY AND THE PHENOMENON
OF SOCIAL UNCERTAINTY****Vladimir V. Vasiliev**

Samara Branch of Moscow City University,

Samara, Russia,

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Abstract. The article analyzes the influence of political history on the specific features and characteristics of the phenomenon of social uncertainty. The article notes that one of the key characteristics of modern political history is the changing interpretation of the forms, nature and identified patterns of relationships between political subjects, which have a direct impact on the uncertain state of society. The author emphasizes that the increasing nonlinear nature of political changes in the conditions of complex modernity ambiguously determines socio-political development. It is stated that the dynamics of interpretations of political history most often occur during critical transformation periods in the development of society. In the context of analyzing changes in dominant political concepts, options for transforming the field of political history are presented, allowing us to conclude that they determine the level of uncertainty in society. The areas of political, socio-economic and cultural management, social psychology, semantics, and axiology influenced by changes in political history are considered. The objective nature of changes in historical and political issues is noted. It is concluded that political history as a factor of stability influencing the political, socio-economic, and cultural spheres of society cannot ensure a reduction in social uncertainty.

Keywords: social uncertainty, political history, transformation, non-linear character, political management, social psychology, social structure

For citation: Vasiliev, V. V. (2023). Political history and the phenomenon of social uncertainty. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 17–27. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.2>

Введение

Политическая история и ее трактовка является неотъемлемой и наиболее актуальной частью современного исторического и социально-философского дискурса. Анализ политических процессов, даже при учете стремительного усложнения взаимосвязей и увеличения количества акторов социально-политических отношений, имеет прежде всего мировоззренческую и прогностическую ценность (сформировать отношение к уже совершившимся событиям и представить возможные варианты будущих событий). Подобное предвидение и накопленный исторический опыт наиболее

эффективных административных практик должны в идеальном варианте позволить избежать многочисленных проблем социально-политического и экономического характера. Напротив, несоответствующие управленческие решения и действия в политическом пространстве могут приводить к неопределенности оценок и поведения субъектов, что выразится в неспособности адекватного осмысления идентичности как на личностном, так и на национальном уровне.

Предметом исследования в данной статье является феномен социальной неопределенности, его взаимообусловленность и связь с политической историей, а также актуальные трактовки особенностей политической истории.

Методологией выступает системный подход, универсальные методологические процедуры редукции, репрезентации и интерпретации, а также компаративистский анализ феномена социальной неопределенности. В анализе феномена социальной неопределенности также использовался принцип социокультурной детерминации явления, позволивший рассматривать феномен социальной неопределенности в политическом контексте.

Результаты исследования

Динамика концептуальных подходов в изучении политической истории приводит к тому, что идеальный вариант взаимодействия политической истории и практики труднодостижим, но стремление к нему, на наш взгляд, должно учитывать несколько условий. Во-первых, это максимальная достоверность используемых фактов и информации. Вторым условием становится баланс в изучении социально-экономической и политической истории. Зачастую политическая история игнорировала экономические реалии и социальное окружение, а иногда чрезмерное внимание к социальным процессам приводило к искаженному пониманию динамики исторических изменений. Таким образом, по мнению О. Г. Зубовой и И. В. Лебедевой, отрефлексированный образ прошлого «способствует процессу интеграции, преодоления кризиса идентичности, массовых фобий общественного сознания, заполнения идеологического пространства новой национальной идеологией, поддерживающей легитимность власти и ставшей опорой для поддержания собственной культуры» [Зубова, Лебедева, 2012, с. 238].

Важно подчеркнуть, что изменения поля политической истории, определяемые интеллектуальной и политической элитой как наиболее активный актор социально-политических отношений, не всегда преследует цель повышения эффективности социального управления. В стремлении к сохранению своих позиций авторы современных политологических концепций и шаблонов конструируют соответствующий им комплекс тех или иных исторических процессов, событий и фактов.

Учитывая вышесказанное, обращает на себя внимание одна из ключевых характеристик современной политической истории — меняющиеся трактовки

форм, характера и выявленных закономерностей взаимоотношений политических субъектов, которые оказывают непосредственное влияние на неопределенное состояние общества.

Широкое теоретическое осмысление политической истории и максимальное расширение поля исследований связаны со стремлением политиков и историков, социологов и философов, с одной стороны, выявить определенные закономерности и показать недостатки общественного развития, а с другой — создать теории, на основе которых возможно изменить устоявшиеся социальные порядки. Преимущественно в их основе лежала убежденность в созидательных возможностях человека, политических организаций и социальных групп, в необходимости совершенствования мира.

Отказ от упрощенного материализма в исследовании политической истории, выразившийся в признании альтернативности общественного развития и осознании сложных, нелинейных взаимосвязей между сферами общественной жизни, стал результатом активного распространения и использования целого спектра научных методов: системного, психологического, политико-географического, дедуктивного, метода исторического институционализма, — что обуславливает методологический плюрализм и возможность смены парадигм общественного развития.

Постоянно возрастающий нелинейный характер политических изменений в условиях сложной современности неоднозначно детерминировал общественно-политическое развитие. Социальный прогресс может сменяться социальной дезинтеграцией, демократические общества — трансформироваться в авторитарные. Все это оказывает влияние на концепции политической истории, призванные объяснить возникшие девиации, отличие полученного результата от заявленной цели, заставляет пересматривать созданную, логически стройную и существующую определенное время концепцию, «пересобрать» исторические события и их оценку.

Исходя из этого, динамика трактовок политической истории чаще всего происходит в переломные трансформационные периоды развития общества и основана на идеологическом концепте «от противного». Примерами могут быть противопоставления:

- одного исторического периода или нескольких периодов настоящему;
- мировоззрения восточной соборности и традиционности руссцентричности, индивидуализму и либерализму западничества;
- типологий общественного развития: циклическое — прогрессирующее (регрессирующее), реформы — революции, модернизация — архаизация;
- оценки деятельности политиков: критичность (неконструктивные и нецелесообразные) — лояльность (оправданность действий и легитимация политического курса).

Каждый элемент этих бинарных сравнений постулируется элитой и внедряется в сознание масс как отличное в лучшую сторону, более перспективное и правильное социальное бытие, подкрепляемое соответствующими

системами идей, ценностями, историческими фактами. А. В. Баранов отмечает, что «обострилась проблема познавательной ценности привычных категорий и терминов, характеризующих смысл и траекторию политического развития» [Баранов, 2014, с. 295].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-политические факторы, а также когнитивные, методологические, концептуальные, социально-коммуникативные и культурные возможности оказывают влияние на изменения в трактовках событий общественной и политической жизни, связанных с функционированием государства.

Трансформирование поля политической истории может выражаться как в количественных характеристиках (сужение или расширение предмета изучения, объема исторического материала, акцентирование внимания на ограниченном спектре исторических событий), так и в качественных (идеологическая оценка, конкретизация трактовок, интерпретация исторического материала в соответствии с доминирующими историческими концепциями или в отсутствии четких методологических и идеологических принципов). Так, например, глобальный процесс демократизации обществ, начавшийся во второй половине XX века, может рассматриваться как фактор, существенно повлиявший на расширение поля политической истории за счет включения в сферу внимания большего количества аспектов социальных отношений. Публичная политика, расширение прав и свобод человека, совершенствование избирательного законодательства, доступность высшего образования и т. д. привели к тому, что в сферу интереса политической истории, помимо важнейших государственных событий и политических деятелей, начинают попадать исторические факты и процессы более широкого спектра, участниками которых становятся отдельные социальные группы, политические партии, неформальные и виртуальные объединения, деятели культуры и лидеры общественного мнения, блогеры и т. д. Особенно важно, что критика традиционных устоявшихся взглядов на государство способствовала возникновению различных трактовок политических событий и способов осуществления политики.

Напротив, стабилизирующие историческое поле традиционалистские консервативные теории опираются на концептуальную безальтернативность и мемориализацию исторических событий. В интересах тех или иных политических сил, стремящихся к повышению управляемости и минимизации социальных рисков, основной упор делался на вертикальные межпоколенческие коммуникации. С помощью системы образования и воспитания, кино и театра, художественной литературы и СМИ спектр используемых исторических фактов существенно ограничивался, исторические образы мифологизировались, а концептуальные теории упрощались в соответствии с официальной идеологией.

Следствием рассмотренных вариантов изменений интерпретации истории политических процессов выступает социальная неопределенность, затрагивающая самый широкий спектр общественных отношений. Данный феномен может актуализироваться на различных уровнях социальной реальности.

Возникшие в силу различности понимания трактовки актуальных проблем политической истории вызывают неясность и неопределенность в сфере политического управления. Архаичность административных методов, потеря руководителями четких целей и ориентиров при выполнении своих функций, неэффективность и рассогласованность действий подчиненных — вот далеко не полный перечень проявления неопределенности властных структур, влияющих на авторитет политического представительства и способность соответствующих институтов адекватно отвечать на кризисы общественного развития.

На социально-психологическом уровне изменение поля политической истории в пределах близких возрастных групп вызывает проблемы межличностных и межгрупповых отношений, нарушает связи между поколениями, провоцирует кризис идентичности, что может выражаться в потере человеком своей субъектности, доминировании виртуальной реальности, девиантных форм поведения и т. д.

Динамика политической истории влияет на семантическую изменчивость в актуальных для государства трактовках политического дискурса. Лексические трансформации под влиянием конкретных ситуаций, создание экспертами, а также лидерами общественного мнения неолексем для характеристики актуальных исторических явлений можно рассматривать как приемы манипуляций, попытки целенаправленного изменения в негативном или, напротив, положительном ключе того или иного социально-политического явления. Подобная политическая коммуникация трансформирует общественное сознание не всегда в ключе интеграции и мобилизации по причине смысловой неопределенности, возникающей в процессе субъективного декодирования адресатом историзмов, идеологием и политем. Н. А. Резникова подчеркивает, что «политическая терминология обладает рядом характерных только для нее черт. Во-первых, это расплывчатость, неточность наименования, во-вторых, неоднозначное эмоционально-оценочное отношение носителей языка к политическим терминам» [Резникова, 2005, с. 50].

На аксиологическом уровне дискретность механизма политической и историко-культурной преемственности обуславливает неопределенность социально значимого поведения и правил, разрушение социальных институтов и замену их новыми, актуализацию неформальных институтов. Сужаются или вовсе исчезают прежние роли, статусы, соответствующие социальные ниши, при этом появляются новые. Ценности, нормы, укоренившиеся символы подвергаются неопределенной трансформации или вовсе исчезают, аномия становится нормой современной социальной действительности. А. В. Жукоцкая констатирует, что «насилованное изъятие элементов прошлого приводит к нарушению всей познавательной системы, своеобразием которой является смешение исторически различных способов мышления» [Жукоцкая, 2009, с. 14]. Культурные коды, сформировавшиеся в прошлом, перестают влиять на настоящее, что приводит к культурной неопределенности.

Снятие подобных негативных форм проявлений социальной неопределенности возможно, но процесс преодоления аксиологического дисхроноза

социального пространства и времени может занять достаточно длительный период (несколько поколений). Помимо этого, форсированное формирование ценностей и норм потребует селективного вовлечения в ряды политической и интеллектуальной элиты субъектов, однородность ценностных ориентиров которых будет соответствовать изменившимся политическим трактовкам. Подобная селекция может привести к еще большей социальной дезинтеграции.

На наш взгляд, следует констатировать определенную зависимость в качественных характеристиках ценностей и норм. Она выражается в том, что стабильность трактовок политической истории приводит к формированию и распространению норм универсального характера. Напротив, идеологизация событий прошлого, их переосмысление в угоду современным внешним или внутренним вызовам значительно радикализируют ментальные установки, общественно-политические идеалы и символы.

Как отмечалось выше, политическая история, обращая внимание на наиболее эффективные и признанные способы диалога власти и общества прошлого, использует их в настоящем, оказывая влияние на массовое сознание, обуславливая поведение людей в повседневной жизни, социально-экономической и политической сферах.

Очевидно, что в первую очередь именно принятие политических решений, реформирование политической структуры (возрождение или копирование институтов власти в соответствии с установками), создание или актуализация политических мифов, образов, традиций, изменение политического языка становятся результатом историко-политической рефлексии.

Наряду с этим, деятельность государственных институтов в области социально-экономической политики также подвергается изменениям, обусловливаемым обращением к актуализируемым политическим событиям прошлого. С одной стороны, современные экономические проблемы могут объясняться просчетами или целенаправленными действиями предыдущих правительств, а с другой — способами решения этих проблем становятся экономические принципы и способы, реализованные в идеализируемый исторический период (рыночные отношения и развитие капитализма второй половины XIX – начала XX веков, государственное регулирование экономики в советский период). Те же тенденции реализуются и в социальной политике, образовании, культуре, регулировании деятельности СМИ. Корректировкам подвергаются как их структуры (появление новых или возрождение прежних форм образовательных и социальных учреждений, организаций, выполняющих идеологические и воспитательные функции, телевизионных и радио-каналов, информационных ресурсов и социальных сетей в Интернете и т. д.), так и содержание (новые образовательные предметы, учебные программы и УМК, корректировка объемов и содержания уже существующих, способы подачи информации, эволюция законодательства о СМИ, культура политической дискуссии и т. д.).

Пропагандирование истории государственных институтов преследует еще одну важную цель, показать, что именно формализованные социальные

отношения (обладающие большими ресурсами — организационными, экономическими, нормативными) наиболее эффективны для преодоления неопределенности, тогда как стихийные личные инициативы и общественные движения не достигали поставленных целей. Именно поэтому мы наблюдаем максимально быструю институализацию большинства популярных частных инициатив.

Политическая история формирует психологическое состояние общества, влияет на общественное сознание благодаря таким динамичным компонентам, как массовые мнения и настроения, повседневное поведение людей: открытость к общению, соблюдение норм, доверие институтам управления, участие в общественных организациях и самоуправлении, религиозной жизни, потребительское поведение, способы проведения досуга, брачно-семейные отношения.

Подобная деятельность опирается на готовые шаблоны и упрощенные формулировки, для которых используются безоценочные, однозначные высказывания исторических деятелей и их упрощенные образы в искусстве, обращение к мемориальным датам различного масштаба и уровня, коллективная память, формирование исторических мифов и т. д. В результате изменений в общественном сознании могут длительное время формироваться многочисленные лексические и поведенческие шаблоны, социальные идентичности, которые в итоге при различных обстоятельствах станут выполнять как объединительные, так и дезинтегрирующие функции.

Необходимо также подчеркнуть зависимость степени влияния политической истории и ее трактовок на общественное сознание и поведение от социально-экономического и культурного уровня развития того или государства или региона, а также уровня образования и вовлеченности в общественно-политическую жизнь его населения.

Безусловно, основным объективным содержанием политической истории любого государства становятся глобальные социально-политические события, экономические и культурные достижения, массовые общественные движения, мировые и локальные военные конфликты, миграции и т. д. Принципиальная отличительная черта, характеризующая водораздел объективного и субъективного в политической истории заключается в том, что ставится на первое место: историческое событие (событие политической истории) или политический дискурс (в самом широком смысле). При этом все чаще предпринимаются попытки рассматривать сложные и знаковые события прошлого через призму современных политических задач и проблем. Это становится возможным благодаря тому, что государственные органы или политические силы (партии, движения) обладают технологиями и средствами манипулирования массами (влияния на массовое сознание), а также создания идентичностей в соответствии с их целями (казачество, представители молодежных движений и общественных организаций, профессиональные структуры и т. д.). Политический потенциал «народа» реализуется за счет таких средств, как СМИ, визуальных и интерактивных средств, общественных собраний, художественных и музыкальных произведений, таким

образом формируются интерактивные отношения между политикой и людьми. А. С. Табачков отмечает: «Событие ныне скорее провоцируется — как некая иллюстрация в череде заранее предуготовленных медийных и политических презентаций, проводимых с целью реализации некой “повестки дня”, некой очередной своекорыстной программы людей власти» [Табачков, 2014, с. 43].

Политические элиты нуждаются в поддержке и сплочении всего общества, различных социальных, религиозных и этнических групп, обеспечивающих общественную мобилизацию. Образы врага или союзника влияют на разработки концепций политической истории. Различные исторические школы и ученые напрямую воспроизводят политический дискурс руководства отдельных государств. О. Г. Зубова и И. В. Лебедева констатируют, что «наша история становится не полем научного дискурса, а механизмом для современных идеологических и политических манипуляций» [Зубова, Лебедева, 2012, с. 238]. Таким образом, политическая конъюнктура обуславливает своеобразное препарирование истории в пользу определенных политических сил. Научная и учебная литература, мемориальные проекты, образовательные программы создают требуемый общественно-политический дискурс, определенный набор образов и распространяют их. При этом следует отметить, что зачастую авторы историко-политических концепций в целях достижения большей социальной определенности невольно или целенаправленно излишне упрощают и схематизируют обусловленность исторических событий. По нашему мнению, подобная нерелексивность в экстраполяции свершившихся исторических событий к современным условиям только увеличит социальную неопределенность.

Наряду с этим, информационная эпоха, сопровождаемая таким негативными трендами, как приоритет информации над знанием, описательность, повышение роли сетевых сообществ как нового способа политической коммуникации, снижение роли этических регуляторов и т. д., становится объективным фактором изменения поля политической истории. Государство, используя тот или иной исторический контент, артефакт или историческую личность, может столкнуться с их неоднозначной оценкой или восприятием в обществе.

Таким образом, изменение историко-политической проблематики подвержено естественному, объективному развитию, как под воздействием политических трансформаций, так и вследствие собственной логики развития науки.

Заключение

Исходя из вышесказанного, еще раз подчеркнем, что политическая история в определенные исторические периоды выступает в качестве средства общественно-политического регулирования, обеспечивающего достижение целей, когда специально созданные институты не дают должного управленческого эффекта. При этом немаловажно, что внимание к политической истории ее меняющимся концепциям и трактовкам должна обеспечиваться серьезной

философской, методологической и идеологической базой (диалектика, марксизм, либерализм, цивилизационный, теологический подходы и т. д.). Построение историко-политических концепций по принципу «от противного» может быть подвергнуто всесторонней критике, в том числе и по причине открытости информационного пространства, возможности обращения к самым современным методологиям изучения истории, научным школам и т. д., для которых упрощенные трактовки политической истории станут объектом критики.

Помимо этого, созданные и распространенные концепции политической истории нельзя монополизировать для использования только политической элитой, что может создать трудности, когда при меняющейся политической конъюнктуре сознание масс будет активно транслировать уже укоренившиеся исторические штампы и установки.

Таким образом, политическая история на какое-то время может стать фактором в формировании устойчивого образа прошлого в общественном сознании, активизировать интегративную функцию и создать первоначальную основу для построения объединяющей национальной идеологии. Но, являясь в настоящее время лишь одним из многих способов понимания прошлого, предмета разнообразного и динамичного, политическая история в качестве фактора стабильности, влияющего на политическую, социально-экономическую, культурную сферы общества, не может обеспечить искомое снижение социальной неопределенности.

Список источников

1. Зубова О. Г., Лебедева И. В. Фальсификация исторического прошлого как манипулятивная технология разрушения будущего // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 237–244.
2. Баранов А. В. История и политическая наука: возможности междисциплинарного синтеза в изучении цивилизаций // Метод. 2014. № 4. С. 290–299.
3. Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 4 (49). С. 49–54.
4. Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 17–28. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2
5. Табачков А. С. Информационное общество в контексте истории // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 37–45.

References

1. Zubova, O. G., & Lebedeva, I. V. (2012). Falsification of the historical past as a manipulative technology for destroying the future. *Humanitarian Research*, 4 (44), 237–244. (In Russian).
2. Baranov, A. V. (2014). History and political science: possibilities of interdisciplinary synthesis in the study of civilizations. *Method*, (4), 290–299. (In Russian).
3. Reznikova, N. A. (2005). Semantic analysis of political vocabulary. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4 (49), 49–54. (In Russian).

4. Zhukotskaya, A. V. (2022). Ideology: phobias and expectations. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 17–28. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.2>
5. Tabachkov, A. S. (2014) Information society in the context of history. *Questions of Philosophy*, (10), 37–45. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Васильев Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самара, Россия.

Vasiliev Vladimir Viktorovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia.

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>